

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (октябрь 1911—февраль 1912 г.)

Дмитрий Александрович РЫБЕЛЬ,
аспирант кафедры всеобщей истории
Уссурийского государственного педагогического института

В начале XX в. позиции британской короны в дальневосточном регионе были как никогда прочны. Союз с Японией и ослабление роли России в Северном Китае в результате русско-японской войны 1904—1905 гг., британское экономическое доминирование в долине р. Янцзы — все это свидетельствовало о почти неоспоримом политическом и экономическом влиянии Англии. Кроме взаимоотношений Великобритании с другими великими державами — Японией, Германией, США, Россией и Францией, также имевшими свои интересы в регионе, неизбежно противоречившие Британии и подрывавшие ее могущество, оставалась проблема внутривосточного состояния в странах, где англичане преследовали свои цели.

Широкомасштабная экспансия европейцев в Восточную Азию в XIX — начале XX в., их превосходство в экономике, технике и вооружении спровоцировали ряд политических и культурных кризисов, потрясших старейшие государства Востока. И если Япония в результате реформ эпохи Мэйдзи смогла решить свои проблемы и за считанные десятилетия догнала передовые страны мира, то Поднебесную империю терзали потрясения и восстания, происходившие на фоне постепенного отмирания старой бюрократической системы и жесточайшего экономического кризиса, усугубленного откровенным грабежом Китая европейскими дельцами.

С каждым десятилетием Китай двигался в сторону катастрофы. Восстание ихэтуаней и последующая карательная экспедиция европейских государств, как и неудачная японско-китайская война, показали, что китайское правительство не является хозяином в своем доме. В течение столетия маньчжурская династия ослабевала; ее некоторые успехи были достигнуты благодаря отдельным личностям (Ли Хун Чжан, Кан Ювэй, позднее Юань Шикай). Администрация насквозь прогнила и погрязла в коррупции, народ голодал, экономика почти полностью находилась

под иностранным контролем. Падение маньчжурского правительства было всего лишь вопросом времени, о чем свидетельствовали постоянные бунты в провинциях в первое десятилетие XX в. Китайское общество настолько привыкло к этим бунтам, что каждый мятеж воспринимался как нечто само собой разумеющееся.

Подобной позиции придерживались и некоторые иностранцы, хотя иностранные державы очень внимательно следили за проявлениями китайского недовольства. Еще в 1911 г. сэр Эдуард Грей обсуждал положение в Китае с японским послом бароном Като Такааки: «Я заметил, что желательнее иметь лучшее правительство в Китае. Существующее правительство слабо и нерешительно. Оно дошло до крайности из-за деловой некомпетентности и, в конце концов, поставило себя перед риском революции в Китае. Большая жалость, что Юань Шикай и его друзья, такие как Тан Шао И, не вернулись на службу. Посол сказал, что, по его мнению, Юань Шикай был лучшим человеком в Китае...»¹

Когда в Учане 10 октября 1911 г. грянула Синьхайская революция, многие китайцы и иностранцы не сразу осознали важность момента. 12 октября 1911 г. Дороти Стрэйт, жена представителя американской земной группы, написала другу: «Вчера доктор Моррисон, знаменитый корреспондент «Лондон Таймс», прогуливаясь по улице, где располагаются дипломатические миссии, рассказывал, что конец маньчжурской династии близок... Уиллард думает, что все это ерунда и что пока не было проблем, которые были бы причиной всей этой ужасной паники в Пекине»². Восстание войск в Учане символизировало начало революции, которая закончилась отречением маньчжурской династии и учреждением республики в Китае.

Войска под временным командованием японского адмирала обеспечили безопасность иностранных концессий в Ханькоу, однако мятежники действовали очень осторожно и проявили полное уважение к иностранцам и их правам: командующий мятежниками генерал Ли Юаньхун заверил британского генерального консула в Ханькоу, что все ранее заключенные права и соглашения будут тщательно соблюдаться. Сэр Джон Джордан, британский советник в Пекине, проинструктировал генерального консула общаться с мятежниками только по необходимости. Грей отправил Джордану телеграмму, выразив одобрение действиям советника: «Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы защитить жизни британцев и их собственность от опасности, и любое действие должно быть строго ограничено этой целью»³. Это положение стало одним из фундаментальных принципов британской политики в течение революции.

Между тем маньчжурское правительство, осознав всю полноту надвигающейся опасности, лихорадочно принялось искать финансы. К началу революции Пекин был уже фактически некредитоспособным. По бюджету 1911 г. предполагался дефицит в 78 млн. таэлей (около 10 млн. ф. ст.);

начавшаяся революция потребовала экстренных расходов, но министерство финансов приостановило все выплаты, в том числе контрибуции и процентов по иностранным займам⁴.

18 октября Джордан телеграфировал в Лондон, что маньчжурское министерство почт и сообщений попросило ссуду в 500 000 таэлей у представителей международного банковского консорциума. Французский, немецкий и американский посланники отнеслись благосклонно к этому запросу, однако Джордан выразил сомнение в его целесообразности. В итоге было решено, что каждый посланник должен сначала согласовать вопрос о займе со своим правительством. Когда эти сведения дошли до Форин Оффис, сэр Фрэнсис Кэмпбелл заметил, что маньчжурское правительство настолько нелепо, что вообще сомнительно, имеет ли смысл его поддерживать; кроме того, мятежники заявили, что они не будут признавать законность будущих ссуд. Кэмпбелл предложил, чтобы вопрос о предоставлении займов оставили на усмотрение банков, но сэр Артур Никольсон, постоянный заместитель министра, и сэр Эдуард Грей ответили, что банковские группы нуждаются в консультации со стороны правительства.

Британский советник Джордан сообщил, что министерство финансов и министерство почт и сообщений Поднебесной империи выразили желание получить займ в 12 млн. таэлей, и если будет решено предоставить подобную ссуду, то неизбежно нужно создать и форму международного контроля. Джордан считал, что финансовая помощь маньчжурскому правительству, несмотря на его ошибки и слабость, может быть оказана: оно имеет на это моральное право, так как революция явилась последствием Хугуанского займа⁵. Грей, однако, теперь выступал против любого займа. Французское и германское правительства ответили на проблему займа, поставленную британцами, в благожелательных по отношению к Китаю формулировках, хотя реакция США была менее восторженной⁶.

Ситуация складывалась таким образом, что иностранные державы теряли базу в лице цинской династии, обеспечивавшую платежи по предоставляемым ссудам. Джордан считал, что любой заём должен быть предоставлен только при условии, если маньчжурская династия обязуется меньше препятствовать преобразованиям в стране, что правительство будет реформировано и в его состав войдёт Юань Шикай, а иностранцы получают определенный контроль над использованием предоставляемых средств. Э. Грей был согласен с идеей Джордана, но полагал, что восстание помешает быстрому осуществлению задуманных мероприятий. В то время вопрос о ссуде отпадал, поскольку революционные войска укрепили свое положение, взяв контроль над Чанши и Ичаном. Было очевидно, что с любой инициативой следует повременить, пока ситуация не прояснится. Поскольку восстание успешно развивалось в областях, где находилось значительное число британцев и британской собственности, Великобритания враждебно отнеслась

к тому, чтобы дать цинам ссуду: политика нейтралитета была самой лучшей и безопасной в сложившихся условиях.

14 ноября 1911 г. консульский совет в Ханькоу опубликовал совместную декларацию о нейтралитете: «Принимая во внимание, что в настоящее время китайское правительство находится в конфликте с республиканской армией... и исходя из требований международного права... консулы иностранных держав объявляют, что иностранцы будут соблюдать строгий нейтралитет». Представители дипмиссий обещали не вмешиваться во внутренние дела страны, не допускать на территорию своих концессий вооруженных солдат враждующих сторон, не разрешать противникам накапливать там оружие и снаряжение и т.д. Консулы выражали надежду, что китайские чиновники любого ранга и народ будут оказывать им помощь в поддержании нейтралитета⁷. Дипломатический корпус в Пекине также рассмотрел создавшееся положение. Было отмечено, что главная забота консулов — сохранение спокойствия и порядка в иностранных сеттльментах и концессиях. В связи с этим английский посланник указал на невозможность уклониться от контактов с революционерами. Представители других держав согласились с его мнением, и консулам на местах было разрешено общаться с революционными властями, которые фактически заменили прежних правительственных чиновников⁸. Однако поддержание контактов с революционными властями не означало (как это подчеркивал Д. Джордан в телеграммах английским консулам) признания революционных войск Ли Юаньхуна воюющей стороной, так как, по мнению посланника, это могло вызвать протест цинского правительства⁹. Последнему было заявлено, что отношения с революционными войсками неизбежны при отсутствии на местах правительственных властей, однако это не предвещает вопроса о признании державами революционного правительства¹⁰.

Таким образом, вопрос об иностранной интервенции в Китай фактически сразу решился отрицательно. Изначально ситуация была неопределенна, международные силы малочисленны, а угроза для жизни иностранных граждан со стороны мятежников в случае интервенции слишком реальна. Дальнейшие события подтвердили правильность избранной тактики: иностранные державы сосредоточили свои силы на охране концессий, постепенно наращивая численность воинских контингентов.

Британское общество на первых порах оценивало ситуацию вокруг Китая как потенциально опасную. Газета «The Spectator» наиболее открыто высказывала опасения по поводу возможного, в частности японского, иностранного вмешательства: «Интервенция, если она и будет, наиболее вероятна со стороны Японии, чем со стороны Европы или Америки. Япония может оценить всю ситуацию как подходящую для того, чтобы поймать рыбку в мутной воде, и может попытаться сыграть в нынешней революции роль, которую Великобритания сыграла в годы тайпинского восстания...»¹¹

«Таймс» также уделила внимание сложившемуся положению — редактор сэра Валентин Чирол опасался возможных действий Японии в Китае, выразив так свои мысли: «Вероятно... оправдание для интервенции есть у тех, кто этой интервенции желает, для кого она служит предлогом для достижения больших амбиций. Любое такое действие не только было бы непростительным само по себе, но, очевидно, несет серьезную опасность для мира во всем мире...»¹²

Опасения относительно односторонних японских действий в отношении Китая явно или скрытно проскальзывали в редакциях прессы Великобритании. Форин Оффис, кажется, таких опасений не испытывал, хотя эти страхи были небезосновательны. Основным препятствием, предотвращавшим японское вмешательство, являлось отсутствие соглашения в правящих кругах о Японии; англо-японский союз также должен был действовать как существенный фактор ограничения действий Японии, поскольку союзники начали консультироваться друг с другом: 19 октября виконт Учида вручил английскому послу сэру Клоду Макдональду копию меморандума, предполагавшего военные действия и в случае необходимости защитить японские интересы в Ханькоу¹³. Четыре дня спустя японский поверенный в делах в Лондоне Ямаза Энджиро выразил радость, что британский вице-адмирал сэра Альфред Уинсло назначен командующим международными силами на р. Янцзы так называемой «Китайской эскадрой» и надеется, что адмирал останется на этом посту¹⁴.

Первый важный обмен мнениями состоялся 26 октября 1911 г., когда Грей встретился с Ямазой и сообщил ему, что Великобритания ограничит свои действия в Китае только защитой британских жизней и собственности и будет консультироваться с Японией, если ситуация изменится. В ответ на вопрос Ямазы о предоставлении Китаю ссуды Грей заявил, что он не считает настоящее время подходящим для займа.

Между тем управляющий Гонконг-Шанхайской банковской корпорацией сообщил о серьезном ущербе, нанесенном торговле в Китае Учанским восстанием, и выразил надежду, что великие державы могли бы выступить в качестве посредников в разыгравшейся драме. Грей передал это сообщение Джордану, добавив, что, по его мнению, посредничество будет более эффективным при условии восстановления на службе у цинов Юань Шикая¹⁵.

Маньчжурское правительство было настолько потрясено стихийным расширением восстания, что вспомнило о Юань Шикае, который отказался от назначения наместником провинции Хугуан, ссылаясь на болезнь ног. 27 октября его назначили специальным имперским уполномоченным по военным делам, а 4 ноября — премьер-министром. Юань Шикай согласился принять власть.

Юань Шикая поддержали многие державы, в том числе и Великобритания, издавна имевшая с ним тесные связи. 14 ноября 1911 г. Э. Грей писал Джордану: «Я полагаю, что выход в Китае может быть только

в создании такого правительства, которое сделает страну сильной и поведет ее дела свободно, без внешнего дипломатического вмешательства. Такое правительство не только будет признано нами, но и получит нашу дружбу и поддержку. Мы хотели бы видеть сильное китайское правительство, которое держало бы двери открытыми для торговли. Для нас безразлично, кто создаст это правительство. Однако на стороне, противостоящей революционерам, кажется, есть хороший человек — Юань Шикай, которого мы все уважаем и при котором, как мы надеемся, Китай будет прогрессировать до тех пор, пока маньчжурская династия не сместит его»¹⁶.

В первые дни революции Юань Шикай считал, что наиболее подходящей формой правления для Китая будет конституционная монархия. Он был уверен или делал вид, что уверен, в неготовности китайского народа принять республику и что республиканизм не имеет поддержки среди населения. Возникший политический кризис Юань Шикай считал делом рук партийных лидеров: «Я утверждаю, что нынешняя династия и ее коронованный монарх должны быть сохранены в рамках конституционной монархии»¹⁷. Однако вскоре Юань Шикай убедился, что цины не обладают достаточной силой для подавления революции. Генерал оказался в довольно затруднительном положении, не зная, какого курса ему придерживаться: то ли добиваться сохранения монархии, то ли принять предложение революционеров о назначении его на президентский пост.

14 ноября 1911 г. после прибытия Юань Шикая в Пекин его сын Юань Кэтин посетил по поручению отца английского посланника Джордана. Результатом этой встречи было донесение Джордана Грею: «Его отец (Юань Шикай), был, как он сказал, в большом затруднении относительно курса, который ему следует принять. Становится почти невозможным играть лояльную роль и спасти династию, хотя это было его хорошо обдуманном желанием. Смещения династии требует общественное мнение по всей стране...

Общее мнение, преобладающее здесь среди иностранцев... заключается в том, что лучшим решением вопроса было бы номинальное сохранение маньчжурской династии, сопровождаемое такими конституционными переменами, которые уже обещаны. Республиканская форма правления кажется мне рискованным экспериментом, для которого Китай еще не приспособлен.

Мятежники, сказал он, хотят, чтобы его отец был их правителем... он может быть провозглашен императором, и республика будет переходной стадией»¹⁸.

Либералы и правое крыло «Тунмынхоя», действительно, были не прочь привлечь Юань Шикая на свою сторону при условии, что он отречется от монархических взглядов и признает республику. Для такого старого чиновника, как Юань Шикай, требование южан об установлении

в Китае республики звучало слишком радикально. Он, несомненно, проявлял честолюбие, метя в императоры, но для него это была единственная альтернатива президентской форме правления, причем альтернатива более выгодная. Отсюда и вытекают все сомнения, которые Юань Шикай испытывал в отношении возможного диалога с революционерами.

Реакция Великобритании на столь грандиозные замыслы Юаня была очень осторожна. Грей, решая с Джорданом вопрос о форме контакта с Юанем, привел слишком нейтральную формулировку: «Мы питаем самые дружеские чувства и уважение к нему лично за его предыдущую деятельность. Мы хотели бы видеть правительство, учрежденное в Китае в результате революции, достаточно сильным для осуществления непредвзятого курса в отношении иностранных держав и поддержания внутреннего порядка и благоприятных условий для прогресса торговли. Такое правительство могло бы получить дипломатическую поддержку, которую только мы могли бы дать ему»¹⁹.

Юань Шикай действовал с истинно восточной проницательностью. Он был в секретной переписке с революционерами, но, поскольку они оказались упорными в отстаивании революционных идей, Юань считал необходимым демонстрировать, что он готов бороться с революционерами до конца²⁰. Чувствуя, что он достиг своей цели, Юань встретился с Джорданом и попросил помощи в установлении перемирия с революционерами.

Джордан согласился и послал сообщение Ли Юаньхуну, революционному командующему, подчеркивая, что единственная цель Великобритании — достигнуть завершения конфликта и установить мир.

30 ноября в Ханькоу состоялась конференция представителей 11 революционных провинций, на которой было принято решение о выдвижении Юань Шикая на пост президента при условии признания им республики²¹. Военные действия между правительственным Севером и революционным Югом с 1 декабря были прекращены.

Начались встречи представителей Юань Шикая и Ли Юаньхуна.

Принимая на себя роль посредников, британские дипломаты не сочли нужным сообщить об этом своему союзнику — Японии. Лишь после того, как эта страна выступила с собственной инициативой посредничества, было решено ознакомить японское правительство с предпринятыми шагами. В Токио британский посланник Макдональд встретился с министром иностранных дел Учидой, после чего Британия и Япония выработали согласованную позицию²².

Англичане старались держать переговоры в секрете, хотя сами китайцы доводили до сведения консулов их содержание. Английский консул Гофф приложил много усилий, убеждая китайцев в том, что Англия как посредник является единственной державой, от которой зависит решение тех или иных вопросов, а поэтому и все дела, касающиеся иностранцев, должны вестись через ее представителя.

Пока решались вопросы возможного сотрудничества мятежного Юга и монархического Севера, на политической арене появилась фигура знаменитого революционного деятеля Сунь Ятсена. В исследованиях советских историков он традиционно оценивается положительно, в нем видели человека, способного поколебать основы сложившегося порядка. Но современники, особенно иностранцы, оценивали его и с другой стороны. Форин Оффис был о нем не лестного мнения: Кэмпбелл в переписке с Джорданом охарактеризовал Сунь Ятсена как «кабинетного политика и пустозвона»²³. Сунь Ятсен враждебно относился к Великобритании, что было видно по его заявлениям. Это частично объясняет взаимное уважение, оказанное друг другу Сунь Ятсеном и паназиятскими японскими авантюристами²⁴.

Пресса сообщала о Сунь Ятсене и его планах изыскания на Западе средств для революции. Сунь Ятсен пытался встретиться с государственным секретарем США Ноксом, чтобы передать ему просьбу революционеров не оказывать финансовой помощи цинскому правительству. Нокс его не принял. Тогда Сунь Ятсен поехал в Лондон, где добивался прекращения выплаты займов цинскому правительству; в финансовых кругах британской столицы ему сообщили, что решение этого вопроса целиком зависит от английского министра иностранных дел. Сунь Ятсену не удалось повидаться с кем-либо из министров, тем более с Греем, который не желал, чтобы сложилось мнение о его связи с Сунь Ятсеном.

Сунь Ятсену запрещался въезд в британские колонии из-за подстрекательской природы его заявлений при предыдущих посещениях Гонконга и Сингапура. Запрещение было неохотно снято министерством по делам колоний в декабре 1911 г. при условии, что Сунь не остановится в колониях, через которые будет проезжать²⁵.

17 декабря 1911 г. в Шанхай для переговоров с революционерами прибыл представитель Юань Шикая Тан Шаои, а на следующий день открылась мирная конференция. Иностранные правительства лихорадочно пытались выработать общую для всех держав позицию, основываясь на которой можно было бы способствовать давлению на договаривавшиеся стороны. Джордан писал Грею: «Кажется, среди иностранных представителей существует единодушие в вопросе о том, что конституционное правительство при номинальном суверенитете маньчжурской династии было бы наилучшим решением и что республика, вероятно, была бы неосуществимой и могла бы привести к общему распаду Китая»²⁶. Но Джордан относился к этим планам довольно скептически: «Вероятно, что иностранное вмешательство в настоящее время вызовет больше подозрений в отношении становления конституционной монархии, чем будет способствовать продвижению ее». Грубо говоря, отмечал Джордан, вся страна к югу от Янцзы республиканская и антиманьчжурская, тогда как Север, следуя за Юань Шикаем, поддерживает конституционное правительство. «Любое соглашение держав для поддержания династии в настоящей ее

форме будет крайне непопулярно в стране и возложит на державы, которые станут участниками этого, серьезную ответственность»²⁷.

В конечном итоге державы осуществили коллективный демарш, отправив Северу и Югу рекомендации прийти к соглашению. 19 декабря консулы шести стран передали уполномоченным Севера и Юга — Тан Шао И и У Тинфану — ноты идентичного содержания:

«Миссии... в Пекине поручено ее правительством сделать следующее официальное заявление уполномоченным на ведение переговоров об условиях восстановления мира в Китае: Правительство считает, что продолжение введущейся борьбы в Китае затрагивает не только саму эту страну, но и материальные интересы и безопасность иностранцев. Продолжая сохранять позицию абсолютного нейтралитета, занятую им до сего времени, правительство... считает необходимым официозным образом обратить внимание обеих делегаций на необходимость достигнуть скорейшего соглашения, способного положить конец настоящему конфликту, так как оно убеждено, что эта точка зрения отвечает желанию обеих сторон»²⁸.

Этот демарш можно расценивать по-разному. Содержание ноты в целом нейтрально, но очевидна косвенная попытка давления, причем на революционеров: республиканцы могли и желали продолжать войну до полной победы, тогда как монархисты находились на грани кризиса. Хотя обстановка в Северном Китае и контролировалась Юань Шикаем, но все же он не мог рассчитывать, что любой его шаг встретит безоговорочную поддержку генералов Бэйянской армии (армия Севера)²⁹. К тому же скорое возвращение в Китай Сунь Ятсена еще больше могло дестабилизировать обстановку. Переговоры давали шанс Юань Шикаю укрепить свои позиции, что было на руку иностранным державам. По сути, заявление иностранных государств от 19 декабря покончило с политикой нейтралитета, и, хотя официально нейтралитет поддерживался, был очевиден «дрейф» заинтересованных государств в сторону «проюаньской» политики.

В Шанхае переговоры проходили тяжело. Южане не шли на уступки и настаивали на установлении республики. 25 декабря в Шанхай из эмиграции прибыл Сунь Ятсен. 29 декабря конференция представителей провинций в Нанкине провозгласила республику и избрала Сунь Ятсена ее временным президентом. Тан Шао И согласился с тем, что после конституирования государства маньчжурское правительство не будет заключать ни одного соглашения о займе у иностранцев, а правительственные войска в течение пяти дней будут отведены на 100 ли (50 км) от своих позиций³⁰. 30 декабря договор был подписан, но Юань Шикай не ратифицировал его, обвинив Тан Шао И в превышении полномочий. Итоги переговоров явно были не в пользу Юань Шикая, поэтому он решил спровоцировать новый виток конфликта, чтобы более четко определить свое положение, которое стало менее прочным в связи с возвращением

на родину Сунь Ятсена и созданием Временного центрального республиканского правительства.

1 января 1912 г. Джордан сообщил Грею о встрече с Юань Шикаем. Последний выглядел «плохо и был крайне подавлен». Он признал, что потерял контроль над ситуацией: «Все усилия добиться урегулирования напрасны. Революционная партия в Шанхае не идет на компромисс».

«Я предложил ему, — пишет Джордан, — искать альтернативу гражданской войне, но Юань ответил, что единственное предложение, которое он может сделать, заключается в том, чтобы генконсул его Величества в Шанхае попытался убедить революционеров согласиться на созыв Национальной ассамблеи. Она была бы избрана в соответствии с порядком, который он предложит, и не настаивала бы на Шанхае как месте собрания. Вышеуказанное секретно»³¹.

Но английское правительство не пошло на новое посредническое выступление, «сочтя необходимым предоставить китайцам самим решать вопрос о желательной для них форме правления». Перевес республиканцев был настолько ощутим, что любое некорректное политическое действие, направленное в поддержку Севера, грозило обернуться для Великобритании существенными проблемами. Англичане заняли выжидательную позицию.

Переговоры в Шанхае продолжились. В середине января стало ясно, что дело идет к отречению династии, которая фактически в 1911 г. не существовала. 6 декабря 1911 г. указом вдовствующей императрицы была принята отставка князя-регента. За республику высказалось большинство генералов пекинского правительства. На фронтах отдельные военачальники вступили в самостоятельные переговоры с республиканцами³². Сунь Ятсен и У Тинфан разработали основные условия соглашения Севера и Юга: отречение династии, признание Юань Шикаем республики, отказ Сунь Ятсена от поста временного президента, избрание Юань Шикая президентом.

Победа республиканцев на дипломатическом фронте была очевидна. Это заставило и цингов, и Юань Шикая пойти на уступки. 9 февраля между Юань Шикаем и представителем республиканского правительства У Тинфаном была достигнута договоренность об отречении Цингов. 12 февраля 1912 г. маньчжурская династия прекратила свое существование, через день Сунь Ятсен отказался от президентского поста, а 15 февраля собрание представителей в Нанкине избрало временным президентом Юань Шикая. Официально революция завершилась.

После опубликования указа об отречении императора Пу И в английском посольстве собрался дипломатический корпус для обсуждения сложившейся ситуации. Посланники ввиду неясности положения решили воздержаться от всяких суждений, которые могли бы связать их свободу действий в будущем. На случай неизбежной переписки с ведомством

иностранных дел Китая было решено придавать документации безличную форму с пропуском эпитета «императорское дайцинское»³³.

Дипломатические отношения с Китаем не прерывались после отречения императора. Иностранцы продолжали находиться в Пекине, хотя и без верительных грамот к новому правительству, и вели с ним переговоры по текущим делам.

Юань Шикай разослал посланникам держав ноты с выражением благодарности за нейтралитет и оказание помощи при преобразовании империи в республику. Он особенно подчеркнул «благодетельную помощь» Англии, которая своим посредничеством «много способствовала примирению Севера и Юга»³⁴.

Британское правительство и его представители в Китае вели свою политику в тесном контакте с другими державами, но проявляли при этом наибольшую активность. Лондонский кабинет стремился сохранить статус-кво на Дальнем Востоке, не допустить провала, сопряженного с материальными и людскими потерями. В первые недели революции перед Англией встала задача выработки политической концепции, при которой угроза со стороны революционеров была бы сведена к минимуму, а в перспективе — расширена сфера английского влияния. Объявление политики нейтралитета — первый шаг, затем последовал отказ от финансового сотрудничества с воюющими сторонами, отказ от военного вмешательства. Великобритания определилась в качестве стороннего наблюдателя, защищавшего свои интересы и ждавшего разрешения конфликта.

Следующий ее шаг — поиск силы, способной заменить одряхлевших Цинов и составить конкуренцию республиканцам. Такой силой стал Юань Шикай, который уже давно находился под пристальным вниманием британских политиков. Его возвращение во властные структуры Китая оказалось очень удачным событием для Великобритании, а также и для других стран.

Позицию Великобритании в отношении Юань Шикая в период (октябрь 1911 — февраль 1912 г.) можно охарактеризовать так: официально Англия абсолютно нейтрально относилась к событиям в Китае, желая лишь скорейшего установления сильного правительства. Неофициально Англия выражала свои симпатии Юань Шикаю. Он был проверен, надежен и предсказуем. Вопрос о форме правления, по сути, не имел особого значения. Республикой или монархией будет Китай — это мало волновало английских политиков, по крайней мере для японцев этот вопрос был животрепещущим. Главное — сильный лидер, способный сформировать правительство, которое обеспечит гарантии сохранения британских позиций в Китае.

Однако стоит отметить, что поддержка Юань Шикая носила более чем ограниченный характер. По большому счету, кроме помощи и посредничества в переговорном процессе с республиканцами, нескольких советов и обещаний помочь в будущем, Англия ничего Юань Шикаю

не предложила. Это вполне понятно, поскольку Юань был ставленником цинов и помощь ему расценивалась бы республиканцами как враждебный акт.

В итоге можно оценить британскую политику в Китае в рассматриваемый период как выжидательную, с осторожной миротворческой активностью и моральной поддержкой перспективного лидера. Пожалуй, в сложившихся условиях это было самое верное решение.

---

¹ Lowe P. *Great Britain and Japan 1911—1915. A study of British Far Eastern policy.* London, 1969. P. 59.

² Ibid. P. 58.

³ Ibid. P. 61.

⁴ Остриков П.И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 годах. М., 1978. С. 157.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Lowe P. *Op. cit.* P. 61.

⁷ Gagnier D. *French Loans to China 1895—1914: The Alliance of International Finance and Diplomacy* // *Australian Journal of Politics and History.* 1972. Vol. 18, № 2. P. 243.

⁸ Остриков П.И. Империалистическая политика Англии... С. 151.

⁹ F.O. *Correspondence Respecting the Affairs of China.* L., 1912—1913. Vol. 1. P. 64.

¹⁰ Остриков П.И. Империалистическая политика Англии... С. 151.

¹¹ *The Spectator.* 1911. 21 oct.

¹² *The Times.* 1911. 14 oct.

¹³ Lowe P. *Op. cit.* P. 64.

¹⁴ Ibid. P. 64.

¹⁵ Ibid. P. 65.

¹⁶ Ibid. P. 68.

¹⁷ Ch'en J. *Yuan Shi-k'aj.* Stanford, 1972. P. 92—93.

¹⁸ Ефимов Г.В. Синьхайская революция в Китае и английское правительство // *Новая и новейшая история.* 1969. № 5. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Lowe P. *Op. cit.* P. 69.

²¹ Белов У.А. Учанское восстание в Китае (1911 г.). М., 1971. С. 210.

²² Lowe P. *Op. cit.* P. 73.

²³ Ibid. P. 69.

²⁴ Ibid. P. 69.

²⁵ Ibid. P. 70.

²⁶ Ефимов Г.В. Синьхайская революция в Китае... С. 89.

²⁷ Там же.

²⁸ *Международные отношения в эпоху империализма.* 1910—1913. Т. 19, ч. 1. С. 195.

²⁹ Ефимов Г.В. Синьхайская революция в Китае... С. 90.

³⁰ F.O. *Correspondence Respecting the Affairs of China.* L., 1912—1913. Vol. 3. P. 87.

³¹ Ефимов Г.В. Синьхайская революция в Китае... С. 92.

³² F.O. *Correspondence Respecting the Affairs of China.* P. 183, 187.

³³ Остриков П.И. Империалистическая политика Англии... С. 166.

³⁴ Там же.

SUMMARY: “British Policy in China at the First Stage of the Chinese Revolution of 1911” is the title of the article written by Dmitry Riebel. The author examines the problems of English foreign policy concerning to China at the end of 1911— at the beginning of 1912, particularly the question of “neutrality of policy” and unofficial support of Yuan Shih-k'ai.